

— Андрей Аркадьевич, у вас богатая биография и широкий спектр знаний. Кто же вы все-таки больше: предприниматель, ученый, политик?

— Скажем так: я ученый прикладной науки, моя отрасль — это экономический анализ и финансы, со специализацией по инвестициям.

Это то, чем я занимаюсь профессионально более 15 лет, и сегодня эти знания оказались на гребне. У меня есть работы, которые я делал по просьбам правительства, еще советского, и продолжаю кое-кого из них консультировать и сегодня.

Консультирую также иностранные фирмы, являясь членом Международного института стратегических исследований в Лондоне, и в принципе можно сказать, что работу свою не меняю — просто она происходит в новых исторических условиях.

Что же касается политической деятельности, то, видя, как нелепо расходуются у нас средства, как плохо планируется бюджет, неграмотно строится международная и даже внутриэкономическая деятельность, я решил попытаться что-то изменить, а не просто описывать и констатировать. Иначе это бессовестно, для специалистов.

Самые основы, по которым должна разумно строиться жизнь, определяются наверху, и потому сегодня я баллотируюсь в Госдуму.

Основа моей выборной программы, — а если меня изберут, то она станет и программой действий, — возрождение Прикамья.

— Андрей Аркадьевич, все большую политическую окраску в обществе приобретает проблема обманутых вкладчиков. Вы не захотели сделать ее лозунгом своей выборной кампании?

— Вообще, стоит начать с того, что я, можно сказать, сам из обманутых вкладчиков — но «первой волны», когда нас еще обманывало действительно государство. Но нас было мало, и тогда это никто шумно не обсуждал. Но было! Именно так лично со мной еще в доперестроечные годы обошелся Внешэкономбанк, потом Сбербанк — банки государственные. А потом покатилось-поехало...

Но хочу рассуждать трезво, и как депутат — сугубо с точки зрения правовой базы. В этой ситуации есть формальное поведение и есть неформальное. Формальное: по уставам тех «пирамид», с которыми вкладчики имели дело, да и по законам тоже, государство не несет ответственности за финансовые результаты их деятельности. Люди вкладывали свои деньги, рассчитывая, не особенно напрягаясь, получить сверхдоходы. Я, например, на такую приманку ни разу не клюнул, потому что как специалист понимаю: чем выше обещают прибыль, тем выше риск не получить свои деньги вообще.

А люди хотели таким хитрым путем заработать. Когда же это не получилось, они вспомнили о том, что они граждане государства и государство должно их защитить. Но это же их проблемы! Государство ничего не обещало, и потому спрашивать с него за свои же простодушные уловки нечего. Это все равно что, проиграв в казино, потом требовать назад свои деньги. А ситуация именно такова.

Но вину государства я здесь все-таки вижу, и она вот в чем: зная, что мы вошли в рынок, надо было потратить деньги, — не меньше, чем МММ и ей подобные, — чтобы объяснить людям, чтобы у них до костного мозга дошло, что, вкладывая деньги в любую коммерческую структуру, они рискуют. И рискуют тем больше, чем больше процентов там обещают и чем шумнее реклама.

Эти простые вещи гражданам не объяснили, а сам человек привык верить газетам, верить телевидению, отождествляя их с государством. Как оно будет теперь свой моральный (подчеркиваю — моральный!) долг выполнять, я не знаю.

Со своей стороны, я предложил разобраться с этой проблемой, с нашим отношением к ней на Законодательном Собрании. Что мы можем, областные депутаты? Думаю, что кое-что можем. Если смотреть на процессы не в плоскости каждого конфетного случая, — это дело судов, — а законодательно, то мы можем принять решение, которое избавит нас в дальнейшем от повторения подобных ситуаций — во-первых. Во-вторых, там, где реальные финансовые структуры испытывают затруднения, найти варианты без ущерба для пермской экономики разрядить ситуацию.

Сегодня она усугубляется тем, что компании-однодневки рушатся, а уже банковская система испытывает кризис. И если пойдет эта волна — это будет много более серьезный удар для экономики.

— Проблема защиты вкладчиков большинству избирателей видится по-

иному: это одна из козырных карт в колоде предвыборных заявлений...

— Те люди, которые рисковали своими деньгами, все же не составляют большинства населения — из этого тезиса я предпочитаю исходить. Иначе придется думать, что недалекость — это примета российского избирателя.

«Потерпевших» приблизительно 15-20%. К сожалению — в первую очередь для них — это люди малообеспеченные, не очень грамотные, которые поверили в обещания, и это для них был последний шанс заработать. Тех, кто их бессовестно обманул, безусловно, нужно наказывать.

Но мы не можем — это негуманно по отношению к другим — компенсировать им их потери за счет всех остальных. А это будет выглядеть именно так.

— Как насчет тезиса, что сытый голодного не разумеет?

— Сытый — это, видимо, я? Так тут я

подъемом экономики, если и западные инвесторы не ломаются в наши стены?

— Быть трезвее. Примером тому может служить пресловутый немецкий кредит...

— ...инициатором которого, говорят, Вы и были?

— Никогда! Я никого публично не призывал под знамена борьбы с ним только потому, что найти на Западе людей, реально готовых обсуждать с нами вопросы кредитования, очень сложно. Но немецкий кредит никогда не был льготным и политическим. Обыкновенный коммерческий!

Я считаю, об этом необходимо заявить и впредь не питать иллюзий насчет как немецкого, так и любого другого: никто нам деньги на особо льготных условиях не даст, как бы нам этого ни хотелось.

— Кстати, каковы условия, на которых это обычно происходит, и как это делается?

— Имеются две ситуации, при которых

ОСНОВА МОЕЙ ПРОГРАММЫ — ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИКАМЬЯ

Нынешнее предвыборное «меню» избилует самым богатым набором «блюдов». Новинку сезона составляет категория независимых кандидатов. Независимых от каких бы то ни было объединений и политических лозунгов, но, по их словам, признающих все же одну зависимость: от своих избирателей.

Один из независимых кандидатов — Андрей Климов — сегодняшней гость «Меркурия».

Он выдвинут по Ленинскому одномандатному округу № 139, получив в свою поддержку более 17 тысяч подписей. Кандидат экономических наук, депутат Законодательного Собрания Пермской области, председатель правления Ассоциации содействия развитию Прикамья.

должен вам заметить, что родился-то ведь я не этим так называемым «новым русским». Рос в коммуналке, жил в «хрущевке», и сейчас большую часть своего времени провожу не в Лондоне и не в Москве даже, а здесь, в Перми, и пока еще не ослеп и не ослеп, чтобы ничего не видеть. Да и в бизнесе далеко не уедешь, если не будешь видеть реальной жизни...

К тому же я не уверен в моральной устойчивости каждого депутата, имеющего за душой только минимум, поскольку всегда найдутся желающие наемку ему о своих интересах...

— Просто я думаю, что на встречах с избирателями Вам приходится отвечать на подобные вопросы...

— Да нет, спрашивают, в основном, не об этом. Люди ошалели от политических разборок и хотят знать одно: что и когда будет конкретно сделано для простых людей. Как при этом все будет называться — коммунизм ли, капитализм — дело десятое. Но в сказку про коммунизм ни один из тех, с кем приходилось встречаться, не верит — это я заявляю со всей ответственностью. Поэтому, боюсь, блефуют те, кто собирает людей под знамена строителей коммунизма.

Наши люди очень чутко реагируют на фальшь и различают, например, где социальная помощь, а где подкачка. На последней встрече с избирателями я был удивлен, как пенсионеры — а это была как раз такая аудитория — отреагировали на решение Президента выплачивать в срок ноябрьскую пенсию за счет продажи части драгметаллов. Вот уж где воистину предвыборная козырная «шестерка»: проедать национальный запас ради сиюминутной политической выгоды!

— Все от бедности... Как же быть с

можно получить реальную западную кредитную помощь. Первое — это если мы попадаем в какую-то программу, утвержденную международным финансовым институтом, и тогда речь о каких-то льготных условиях может идти.

Вторая возможность — это когда предприятия или регионы договариваются с крупным кредитно-финансовым учреждением и расчет идет простой: за продукцию или какую-то другую реальность, которую признает западная сторона, нам выдаются определенные средства. Под довольно высокий процент плюс страховка.

Выплачиваться эти средства должны по следующей схеме: счет в нейтральном банке (как правило, требуется, чтобы это был зарубежный банк, и не филиал на территории России), и вся выручка от продажи и других поступлений по данному договору зачисляется сначала на этот счет. Затем заемщик оплачивает из этих денег проценты по кредиту и возврат части долга, и остаток — если это отмечено в договоре — он может перевести на свой счет. В этом случае зарубежный кредитор страхует себя от краха данного банка или неожиданных решений правительства.

Но против этого обстоятельства выступают Центробанк, Минфин и ряд других организаций, которые хотели бы иметь эти — и немалые — средства внутри, в обороте России. Поэтому получение подобных кредитов сталкивается с серьезными трудностями, хотя есть организации, готовые предоставить под интересные проекты средства от 200 млн. до 3 млрд. долларов, и я лично знаю таких руководителей. Но эти условия — работа через российские банки — их останавливают...

— Банковский кризис — просто тема дня, говорят и пишут об этом много.

Видимо, вам как специалисту в этой области и консультанту серьезного международного института яснее, чем многим другим, берущимся за эту проблему, должен видаться выход?

— Я включен в созданную недавно Законодательным Собранием области временную рабочую группу по разработке конкретных предложений по защите прав и интересов бюджета, клиентов, вкладчиков. Как политик я хочу отметить, что не решение профессиональных интересов банкиров будет осуществлять эта комиссия — в нашем распоряжении лишь политические методы влияния на ситуацию.

Как экономист я имею несколько предложений, как выбраться из ямы, куда мы все попали, но для этого нужно, чтобы все люди, которые в этом задействованы, руководствовались интересами региона, а не своими личными.

Параллельно подобная же комиссия создана при областной администрации.

— Такое чувство, что лед наконец активно тронулся. Но не опоздали ли мы — вы? — с подобными мерами?

— Еще нет, хотя выйти из кризиса можно было более безболезненно еще полгода назад, когда группа депутатов выступила с обращением по этому поводу. На профессиональный разговор пришли только два банка, остальные упорно пытались доказать, что кризис — это как те преступления, которые, по людской психологии, могут коснуться кого угодно, даже соседа, но только не меня...

А еще лучше было бы год назад принять превентивные меры, когда до кризиса было еще далеко. Специалисты нашего Института коммерческих исследований уже просчитали, что он грянет, но и тогда наши воззвания были проигнорированы.

Сегодня же, мне кажется, мы должны серьезно потребовать от государства — на всех его уровнях — вмешаться, поскольку при наличии технических ошибок руководства банков — а они, конечно, были — многие из них стали заложниками экономической ситуации, возникшей в стране по вине государства.

Да, есть комбанки, которые строили кредитные пирамиды, есть те, кто отражал интересы нечистоплотных коммерсантов. Но есть те, кто вел кредитование государственных предприятий, имел десятки тысяч акционеров, а оттого, что государство своевременно не заплатило этим предприятиям за свои же заказы, они не смогли вернуть свои кредиты, поставив под удар других акционеров. Тут государство совершенно четко прослеживается в этой цепочке, являясь главным виновником кризиса.

Кроме того, у меня вызывает сомнение использование средств резервов Центробанка. Я не знаю, существуют ли они вообще в природе или, может, где-нибудь «гуляют». Война в Чечне показывает, что какие-то деньги в государстве появляются. В то же время «валютный коридор» и мизерная инфляция показывают, что деньги не подпадают. Стало быть, нужны другие источники? И вот уже нельзя найти концов государственного пенсионного фонда — где там средства? Сейчас вод и с резервами столкнемся... Слухи ходят настойчиво, и никто их не опровергает.

— Выход?

— Выход есть, но, во-первых, он не универсален, а во-вторых, дело деликатное, и я не готов его формулировать для широкой публики. Но смысл приблизительно в следующем: остановившись на некоторых финансовых структурах, обеспечить им государственную поддержку: государство должно войти в управление этих структур и потихонечку начинать разматывать эту ситуацию.

Так было во многих странах мира. Например, в Англии это постоянный процесс: приватизация, разгосударствление — и тут же огосударствление, и такие «волны» каждые 10—15 лет. Когда экономике тяжело, когда процессы выходят из-под контроля, государство вмешивается в те или иные отрасли, берет на себя управление, за счет общественных фондов восстанавливает баланс определенных сил. А когда ситуация нормализуется — государство отпускает бразды правления, дает большую свободу инициативе и т. д.

Во Франции таким образом было стабилизировано положение самого крупного банка, в Британии — восстановлен статус кво в связи с аферой с «Баррингсом», который потерял существенные средства. А в США — стране с явно свободным рынком — президент сам лично определяет ставку рефинансирования... А у нас говорят, что власть не может вмешиваться в дела Центробанка! В то время как мировая практика говорит о совершенно ином.

Записала С. АРИСТОВА.